

ПОЛИТОЛОГИЯ

В.П. Макаренко¹

МИР УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

Анализ многочисленных терминов, которые используются при описании современной России², подводит к выводу, что наша страна сохраняет черты феодального общества. Данная терминология в большинстве случаев скрывает влияние полицейских агентств на реальную политику и процессы производства гуманитарных знаний [2]. Властно-управленческая структура современной России содержит все характеристики дворцового государства, а партия власти «Единая Россия» является реанимацией партии, созданной полицейским департаментом Российской империи в начале XX века для интеграции властно-управленческого аппарата в целях борьбы с политической модернизацией страны [3, 4]. Значит, проблема смещается к реконструкции политических идеологий [5], которые помогают критически относиться к указанным тенденциям. В данной статье я сосредоточусь на современном анархизме [6].

Идея-фикс и бюрократическое господство

Классики анархизма не были профессорами. Резко критиковали официальную науку. На этой основе возник эффект бумеранга: большинство философов и ученых относятся к анархизму отрицательно, а к государству – с пietetом: «На протяжении нескольких поколений большинство политических философов и ученых из различных сфер социальных знаний отличается тем, что психоаналитик мог бы определить как идею-фикс государства» [7, с. 98]. Большинство политиков считают утопической идею устранения государства.

¹ **Макаренко Виктор Павлович**, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

² Первая группа терминов содержит общие определения общества («нормальное», «переходное», «транс-формационное», «православная цивилизация», «евроазиатская цивилизация»). Вторая группа включает по-литические характеристики («монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляе-мая демократия», «суверенная демократия», «супер-президентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «путинизм», «демократическая форма ца-ризма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия». Третья группа описывает эконо-мическую структуру российского капитализма («олигархический», «дикий», «криминальный», «клептоман-ный», «гангстерский», «хищный», «рыночный большевизм», «клановый», «незрелый», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический», «номенкла-турный», «управляемый бизнес». Четвертая группа подчеркивает национальную идентичность («общество этнических русских», «евразийская нация», «интернациональная империя», «страна для всех живущих в ней народов», «часть западной цивилизации», «европейская нация». Пятая группа фиксирует положение России в мире («супердержава», «энергетическая супердержава», «сырьевой придаток развитых стран») [1, с. 17 - 18].

Причину такого отношения к анархизму установить нетрудно: ученые и политики привыкли играть свои роли на государственной сцене. Анархисты показали убожество самой сцены и исполняемых на ней трагикомедий. Политики и ученые с такой оценкой не согласны. Поэтому после гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.) анархизм на целое поколение исчез из политической и научной жизни. Однако на протяжении последней трети XX века произошло возрождение анархизма. Альтернативная политическая мысль и движения (феминизм, экологизм, коммунитаризм) используют и развивают его идеи. Появились серьезные работы, в которых подчеркивается актуальность анархизма для анализа политических процессов современности (труды М. Букшина, Д. Бернхейма, Р. Вольфа, Р. Гардена, Д. Кларка, Д. Миллера, М. Тейлора и др.). В России тоже происходит переоценка анархизма. Например, В.В.Кривенький отмечает, что по разнообразию сюжетов, явлений и их практическому воплощению российский анархизм всегда даст значительную фору любым другим образованиям. Но в научной литературе анархизм по-прежнему квалифицируется как экзотическое и эфемерное явление, «ядовитый цветок на русской почве». Между тем знаний об анархизме нет ни у исследователей, ни у простого читателя. «В настоящее время анарх-ходвижение за границей переживает полосу подъема... Идеи и построения М.А.Бакунина, П.А.Кропоткина и их последователей приобретают сегодня невиданную актуальность, особенно в плане изучения федерализма, организации муниципального самоуправления и кооперации. Есть ли у анархизма и его приверженцев будущее, может показать только время» [8, с. 15 - 16].

Я предлагаю исходить из факта: все политические идеологии и движения второй половины XX века полагают центральной проблемой бюрократического господства. Эта проблема обострилась до предела в посткоммунистической России [9]. Правительство только усугубляет тотальную бюрократизацию социальной и политической жизни. Чем может помочь анархизм в осознании и решении данной проблемы?

Принципы

Анархизм возник в Новое время, параллельно процессу вызревания современного государства и борьбы с ним. В древней социально-философской мысли можно обнаружить предпосылки анархизма¹. Формулировка и обоснование анархистской доктрины началась в конце XVIII в. после французской революции: «Вначале слово «анархист» использовалось в отрицательном смысле, для обозначения того, кто отвергает любые законы и способствует расширению хаоса. В таком смысле термин употреблялся в период гражданской войны в Англии для осуждения левеллеров. Во время французской революции

¹ Например, стоицизм сформулировал принцип пассивного сопротивления государству-империи, для которой индивид ничего не значит. В Древнем Китае Конфуций сформулировал принципы идеального государства и идеального чиновника. Но вслед за его учением возник даосизм, отвергающий то и другое. «Лучше жить так, как живет свинья в болоте», — таковы были жизненный идеал и кредо даосистов, противопоставленные мощи Китайской империи.

таким смыслом термина пользовалось большинство партий, критикуя тех, кто в политическом спектре всегда оказывался слева от них» [10, с. 111].

Впервые в позитивном смысле слово «анархист» использовал Пьер Прудон в книге «Что такое собственность?». Французский мыслитель определял себя как анархиста. Он полагал, что политическая организация, основанная на власти, должна уступить место социальной и экономической организации, которая базируется на добровольном согласии. Оно достигается путем договора.

В философском смысле анархизм — это теория, принципы и практика анархии. В состав анархизма входят: отсутствие форм правления, основанных на насилии и принуждении; отсутствие политического государства; отсутствие авторитарных командиров, начальников, институтов, организаций.

В политическом смысле анархизм используется для обозначения обществ и стран, отличающихся специфическим отношением к власти, насилию и государству. На протяжении последних 30 лет термин «анархизм» расширился. Он используется не только для обозначения политической организации, но и для обозначения институциональных форм науки, права, церкви. Во всех случаях термин означает альтернативные формы социального бытия, которые лишены авторитарных структур и методов, основанных на насилии. Это способствовало появлению философского и эпистемологического анархизма [11, 12].

Исходный постулат современного интегрального анархизма можно сформулировать следующим образом: анархизм так относится к политической власти, как атеизм к религии (в ее доктринальной и институциональной формах), а скептицизм — к науке (в ее аксиоматических формах и формах научного сообщества). Атеизм, скептицизм и цинизм — норма нашей культуры [13]. Поэтому анархизм есть необходимый элемент социальной, политической и познавательной практики.

Терминологический вандализм. Указанный постулат связывает разные формы анархизма: ослабленный анархизм — это все философские доктрины, которые высказывались против государства, но признавали необходимость насилия; фактический анархизм противостоит всем формам государства, поскольку ни одна из них не свободна от недостатков. Такой анархизм не выступает против идеи идеального государства и «нового мирового порядка» в международных отношениях. Ослабленный и фактический анархизм не являются интегральным (принципиальным) анархизмом, поскольку исторический анализ не дает возможности провести строгую границу между ослабленным и фактическим анархизмом.

Например, Р.Нозик в своей концепции анархо-капитализма постулирует необходимость минимального государства, основанного на насилии и централизованного [14]. Значит, его концепция выходит за рамки принципиального анархизма. С другой стороны, философский смысл термина «анархизм» базируется на негативных определениях. Анархию можно определить по противоположности к централизованным формам власти, основанной на насилии. На

этом основании можно систематизировать аргументы в пользу анархизма. Это нужно для противопоставления *обыденного и научного понимания* анархизма.

С анархизмом согласуются различные формы институтов, организаций и форм правления, если в них отсутствуют авторитарные, насильственные и манипулятивные элементы. Если на данной территории нет правительства, — она является анархической. Но обратная зависимость отсюда не следует¹.

Существующие социальные и политические формы не являются абсолютной противоположностью анархизма. Если ликвидировать правила уличного движения и Госавтоинспекцию, — движение на дорогах продолжится. Такие периоды нельзя считать эпизодами, возможными только потому, что наличие авторитарных структур является обязательным правилом. Речь идет об иллюстрации ошибки в определении: анархизм кардинально противостоит политической практике современных государственных структур.

Если нет потребности в авторитарных и насильственных системах регуляции отношений между людьми, то без них вполне можно обойтись. Этот аргумент анархизма надо соотнести с проблемой целостного изменения общества, в котором господствует зло. Главные виды зла выражаются в корыстолюбии, властолюбии и стремлении к духовному господству. В коммунитаризме решение данной проблемы связывается с образованием большинства, свободного от потребительского, менеджерского и терапевтического отношения к действительности. Сколько времени потребует этот процесс — неизвестно. Большинство версий анархизма ставят перед собой частичные цели и предлагают соответствующие методы. Поэтому проблема смещается к описанию различий между универсальным (интегральным, принципиальным) и частичным анархизмом.

Критики анархизма (либералы, консерваторы, марксисты, социалисты) приписывают ему универсальность. Такая критика базируется на молчаливой послышке: для успеха анархизма на отдельной территории нужна его победа в мировом масштабе, поскольку другие государства сразу уничтожат любые попытки воплощения анархизма в действительность. Такая критика анархизма не может считаться основательной. Идея мирового господства капитала или пролетариата сформулирована либералами и марксистами. Анархизм выступал против тех и других.

До сих пор популярно представление о том, что анархизм влечет за собой дезорганизацию, беспорядок, хаос, связан с насилием и террором [16]. На протяжении нескольких поколений советские политики и журналисты создавали образ анархиста с непрременной бомбой и маузером за поясом. Это — карикатура на анархизм. Она не вытекает ни из семантики термина, ни из теории

¹ Например, до колонизации Севера, Сибири и Кавказа там существовали племена, у которых была система правления, но государства не было. Эта система была свободна от авторитарных элементов и запретов, которые сегодня кажутся самоочевидными: «Иначе говоря, анархист выступает против всех существующих систем правления, но это не вытекает из смысла терминов. А образует только случайное обстоятельство, зависимое от характера фактически существующих систем государства» [15, с. 118].

и практики анархизма. Ее пропагандируют люди, которые довольны существующими политическими системами. Или не осознают проблем, которые поставлены в современных идеологиях и требуют разработки альтернативных концепций.

Популярный образ анархизма не является необходимой и типичной особенностью его теории и практики. Все попытки связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом принадлежат врагам анархизма. Направлены на сознательное или бессознательное затемнение смысла анархии и могут рассматриваться как *терминологический вандализм*. Он характерен не только для повседневной жизни, но и для тех кругов интеллигенции, которые не считают строгое определение понятий главной задачей познания. Поэтому популярный образ анархизма, стремление связать его с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью и социализмом могут быть названы карикатурным или выродившимся анархизмом.

Этот образ был создан авторами, довольными существующими политическими системами. Между тем большинство теоретиков и практиков анархии не были ни террористами, ни «потрясателями и ниспровергателями», если воспользоваться терминологией Н.Лескова. В настоящее время большинство сторонников анархизма действуют в экологическом и феминистском движениях, а также в движениях, которые ставят своей задачей ненасильственное кардинальное изменение сложившегося социального и политического порядка [17]. Они действуют с помощью множества организаций и правительств. Следовательно, существование организаций и правительств вполне согласуется с анархизмом.

Тогда как существование государства во всех его древних и современных формах не согласуется с анархизмом. Не только по причине использования всеми государствами насилия и принуждения. Прежде всего потому, что большинство государств отличается централистической организацией, в состав которой входят государственный аппарат и манипуляция обществом. Но отсюда не следует истинность определения, приписывающей анархизму враждебное отношение к государству. Такая враждебность – случайная особенность, а не существенная характеристика анархизма.

Эта случайность – следствие смешивания сути анархизма со стандартной концепцией государства. Я не буду входить в детальное обсуждение этой концепции, а также в современные дискуссии по проблеме государства. Воспользуюсь распространенной дефиницией: «Государство – это прежде всего особое суверенное тело. Оно претендует на неделимый авторитет в определении прав подданных. Во-вторых, государство есть орган насилия и принуждения. Это значит, что каждый человек, рожденный в данном обществе, вынужден признать свои обязанности по отношению к государству, которое управляет данным обществом. В-третьих, государство есть монопольный орган. Оно приписывает себе монополию на применение силы в рамках своей территории и

не допускает существования на ней никакой другой конкурирующей организации» [15, с. 5]. Государство претендует также на монополию в фискальной сфере, устанавливая все налоги для всех индивидов и организаций. Такое государство неизбежно является централизованным авторитарным институтом, обладающим множеством средств насилия и манипуляции.

В результате приведенной дефиниции возникает упрощенный образ анархизма как движения, направленного на ликвидацию государства. Между тем государство является важнейшей проблемой всей истории и современного состояния политической мысли, а не только анархизма. Немного спустя я подробно рассмотрю эту проблему. А здесь отмечу, что практическое воплощение анархизма означает конец всех институтов, которые могут быть описаны как государство в соответствии с приведенной дефиницией.

Определение. Нет основания употреблять термин «анархизм» для обозначения морально и политически недопустимого поведения индивидов. Нет аргументов отождествлять анархизм с выдуманной журналистами образом. А также с попытками связать анархизм с индивидуализмом, волюнтаризмом, стихийностью, социализмом. Во всех случаях такой дефиниции анархизма он противопоставляется некому «прекрасному порядку», существующему в действительном или будущем государстве. Это противопоставление не соответствует теории и практике анархизма, имеет в виду его выродившиеся формы. Однако процесс вырождения охватывает все идеологии, а не только анархизм.

Следовательно, определение анархизма может базироваться на преодолении ложной дихотомии между государством и беспорядком. Эта дихотомия скрывает множество иллюзий, возникших в эпоху Просвещения. Укажу две: без государства невозможен социальный порядок; без понятия государства невозможна политическая теория. В одной из книг я показал, что эти иллюзии породили культ государства, связали религиозное мышление с политическим, входят в состав консерватизма и потому не могут претендовать на роль обязательного канона [18, 39 - 80].

С этимологической точки зрения греческий термин «an-archos» означает «без начальства» или «без власти». Происхождение термина может быть ориентиром, но целиком не определяет его смысл. Тем более, что анархизм не был главным политическим учением древности. С точки зрения современных классификаций он является самой новаторской современной политической идеологией. Но даже этимологический смысл исключает политические решения, в которых есть высшее начальство – в индивидуальном (монарх, патриарх, князь, господин, начальник, вождь, президент, премьер) и в групповом (партия, придворная клика, властвующая элита, властно-управленческий аппарат) смыслах слова.

В работах по теории бюрократии, легитимности и власти я показал, что речь идет о двух взаимосвязанных явлениях: вершина (центр) власти; господство и контроль, осуществляемые данной вершиной (центром) с помощью

авторитарных, насильственных, бюрократических и манипулятивных методов. Иначе говоря, единичный начальник или правящая группа находятся на вершине власти и одновременно осуществляют господство и контроль. По принципу противоположности анархию можно определить как структуру, отвергающую централизованные (авторитарные, насильственные, бюрократические, манипулятивные) методы управления, базирующиеся на жестком делении между вершиной и низами или центром и периферией.

Рассмотрим элементы данного определения.

С топологической точки зрения выражение «без вершины» равносильно выражению «без центра», поскольку с помощью топологических преобразований вершину можно свести к центру и наоборот. Если исключить отношение между верхами и низами власти, то отпадает необходимость в политических структурах, обладающих центром в виде правительства. Анархизм предполагает децентрализацию в определенном смысле слова. Элиминация центра не означает ликвидации всех структур, а только тех, которые осуществляют волю центра – властно-управленческого аппарата государств. Зато анархизм оставляет место для множества других структур, которые в социологии организаций квалифицируются как адаптивные и креативные [19]. Эти структуры являются сетевыми, имеют не один, а многие центры.

Значение указанных свойств подчеркивается не только в социологии организаций, но и в современной логике: «Логические предсказания и политические предвосхищения совпадают. Стандартные нерелевантные логики обладают алгебраической структурой, в состав которой входит элемент вершины. Тогда как релевантные логики, образующие современный вызов для классической парадигмы логики, такой структурой не обладают. И соответствующие им алгебраические системы не содержат элемента вершины. Множество локальных центров и разбросанных узлов в этом случае не ведет к парадоксам» [20, с. 217].

Иными словами, определение анархизма согласуется с результатами современной логики. Но не только. Наличие структур без вершины и центра зафиксировано в природе (организация центральной нервной системы у насекомых и мозга у позвоночных), а также в исследованиях искусственного интеллекта. Правда, логика и техника электронно-вычислительных устройств пока еще не учитываются в надлежащей мере при разработке политической теории. Но если наука доказала, что без вершины и центра можно обойтись, рано или поздно этот вывод будет использован при моделировании и воплощении политических систем. По крайней мере, анархизм XXI в. не сможет обойтись без интеграции результатов наук, отбрасывающих понятия вершины и центра. Современный анархизм предлагает горизонтальные структуры без вершины, начальства и центра.

Теперь о власти и контроле как функциях бюрократических структур. Все анархисты согласны с тем, что власть и управление не должны осуществляться

с помощью насилия, принуждения, авторитаризма, манипуляции. Эти методы недопустимы. Все политические системы, применяющие хотя бы один из указанных методов или культивирующие их соединение, не могут считаться удовлетворительными. Некоторые авторы полагают, что все недобровольные методы, которыми пользуются коммунисты и социалисты, тоже должны быть отброшены [21]. Я не буду входить в дискуссию по этому вопросу, а только отмечу: в соответствии с исходным постулатом и приведенной дефиницией анархизма к числу недопустимых относятся насильственные и авторитарные методы. В догосударственных формах использовались коллективные методы управления. Следовательно, их можно признать допустимыми. Индивидуализм не является решающим признаком анархизма.

Если не существует начальства, вершины и центра, то какой облик должна приобрести политическая жизнь? В современном коммунитаризме описан феномен исчерпанности политики. Анархисты зафиксировали это явление более ста лет назад, хотя их тогда почти никто не послушал. Современные исследователи анархизма на поставленный вопрос отвечают так: «Какая-то организация все же должна сохраниться, но она должна использовать только допустимые методы. Эта организация не может быть ни авторитарной, ни использовать насилие. Следовательно, она может быть добровольной и основанной на сотрудничестве» [7, с. 114].

Проблема авторитета. К настоящему времени существует множество теорий анархизма. Теорией анархизма следует признать любую теорию с горизонтальной структурой, которая соблюдает принципы анархизма и отбрасывает любое насилие и политический авторитет. Прежний анархизм имел одну или несколько форм. Анархизм современный включает принцип плюрализма. Не только допускает множество теорий, но и считает их полезными для общества.

Каковы критерии оценки данных форм? Анархизм, порожденный журналистским воображением, надо отбросить. Я имею в виду анархистов, опустившихся до использования насилия, террора и хаоса. Но одновременно надо отбросить государства, использующие данные методы. С такой оговоркой проблема допустимых методов остается открытой и допускает новые творческие предложения.

Существуют следующие способы обоснования анархизма:

- теоретические используют все средства научного познания и политического скептицизма;
- практические стремятся изменить социальные и политические обстоятельства, существующие в данном месте и времени;
- индивидуальные объясняются желанием свалить государство с плеч индивидов или, по крайней мере, держать его подальше от наших интересов и кошелька;

- альтруистические направлены на борьбу общества с любыми видами государственного угнетения;
- феминистские объясняются стремлением сокрушить господство одного пола над другим в политической сфере;
- экологические направлены на борьбу с научно-техническим вандализмом государства;
- коммунитаристские объясняются стремлением реализовать идеал братства людей, отвергаемый многонациональными империями и национальными государствами.

Все обоснования вытекают из основного свойства анархизма — противодействие любой эксплуатации и господству. Причем не только государства, но и всех остальных форм и институтов, с ним связанных. Речь идет о борьбе с любыми целостными структурами власти ради ограничения (ликвидации) их господства. Авторитарные и основанные на насилии методы государства — идеальный пример такого господства. Поэтому с анархизмом связан последовательный либерализм (провозгласивший лозунг ограничения власти и расширения свободы) и последовательный демократизм (стремящийся свести к минимуму все социальные неравенства, источником которых является власть).

«Действительно, — пишет Д.Миллер, — за атакой анархистов на государство и другие институты насилия скрывается обычно фундаментальная критика самой идеи власти. Важный аргумент в пользу анархизма вытекает также из более общей антиавторитарной идеи: никакое лицо и организация не может осуществлять легитимную политическую власть над людьми» [7, с. 15]. То же пишет Р. Вольф: «Никакая власть не является оправданной. Никто — ни государство и никакой другой институт, не имеет права приказывать кому бы то ни было что бы то ни было» [11, с. 45]. Р.Вольф определяет философский анархизм как общее сопротивление принципу власти. П.Фейерабенд ввел понятие «эпистемологический анархизм» для критики большинства научных и философских теорий и авторитетов. На этом основании можно дать классификацию анархизма.

Принципиальный анархизм выступает против власти и насилия путем использования философских и этических аргументов. Интегральным политическим анархизмом можно назвать преобразование этих аргументов в систематическую критику законодательной, исполнительной и судебной власти государств. Рассмотрим природу аргументов.

Существуют разные типы отношений, основанных на авторитете. Но не все надо отвергать. Приведу пример из личного опыта наблюдений за академической жизнью в университетах и других научных учреждениях.

Предположим, ученый трудом заработал авторитет в определенной области знаний. В этом случае отношение коллег к нему определяется его способностью ставить новые проблемы, разрабатывать и обосновывать оригинальные концепции. Их весомость всегда можно проверить на основе универсальных

критериев научного труда. Такой авторитет можно назвать открытым. Чтобы им обладать, ученый, кроме таланта, должен постоянно работать. Требуется интенсивный, добровольный, всепоглощающий труд. Надо возлагать на себя обязанности, которые никто третий не может предписать. Умение отказаться от большинства повседневных удовольствий. Повышенная требовательность к ученикам. Способность одновременно заниматься несколькими проблемами. Подчинение жизни и быта железной самодисциплине. Критическое отношение к своим собственным концепциям, готовность к их пересмотру под напором новых фактов и результатов исследований коллег. Постоянная погруженность в раздумья, связанные с творческим процессом. Презрение к людям, сделавшим из науки «кормушку». Для выработки этих качеств надо посвятить всю жизнь одному делу. Такой авторитет нужно постоянно завоевывать, поскольку ни одно достижение не может быть признано окончательным.

Однако большинство людей, занятых в сегодняшней науке и высшем образовании, не обладают перечисленными способностями и даже не ставят своей целью их культивирование. Наука их интересует как средство достижения социального статуса. Они прекращают работать на второй день после защиты кандидатской или докторской диссертации. Начинают усиленно интересоваться перспективой занятия той или иной административной должности. И на протяжении десятилетий пересказывают студентам чужие концепции или результаты своего диссертационного опуса, которые давным-давно устарели. У них развивается склонность к догматизму. Поэтому их авторитет можно назвать закрытым. Закрытость увеличивается по мере прекращения научной деятельности, отставания от творческих коллег и превращения административных и денежных соображений в главный мотив существования. Такой авторитет все более становится мнимым и потому вызывает явное или скрытое противодействие.

Наконец, в университетах и научных учреждениях осталась значительная прослойка людей, которых можно назвать принципиально закрытыми авторитетами. К ним относятся все, кто уже на студенческой скамье стремился попасть в состав комсомольских и партийных органов для достижения целей, не имеющих отношения к науке. Эти люди были и остаются научными нулями и дельцами от науки. Способствуют тотальной коррупции науки. При обсуждении любых вопросов они обычно оперируют бюрократическими аргументами, писаными и неписаными.

В приведенных случаях мы имеем дело с разными авторитетами, которые опираются на иные основания. Ученый обладает авторитетом подобно сержанту, который учит салагу «Делай, как я». Противодействие такому авторитету может быть вызвано только вненаучными соображениями. Другие авторитеты базируются на догматизме и бюрократических стандартах. Тем самым возрастает возможность манипуляции людьми. В политической сфере она укрепляется угрозой или реальным применением принуждения и насилия. Обычно в

политике применение кнута и пряника чередуются. На этом основании можно дать классификацию видов авторитета.

Закрытый догматический авторитет использует силу и манипуляцию. Против него можно направить все аргументы, сформулированные в эпоху Просвещения и отвергающие любые религиозные и политические догмы. Например, категория государственных интересов восходит к понятию государственного разума и означает любое случайное содержание. Поэтому в анархизме государственные интересы не считаются весомыми аргументами. Против применения голой силы давно выступают пацифизм и этика ненасилия.

Политический авторитет кнута и пряника лишает человека свободы и самостоятельности. Поэтому освободительные движения могут мотивироваться либеральными ценностями и направляться против господства рабо-владельцев над рабами, церкви над верующими, мужчин над женщинами, родителей над детьми, человека над природой, государства над гражданами.

Стремление к гражданской свободе тоже можно связать с анархизмом.

Любой частично или полностью закрытый авторитет лишен этического обоснования и не может быть согласован с самостоятельностью индивидов. Любое государство функционирует как закрытый авторитет. Поэтому В.Вольф систематизировал аргументы, которые ведут от признания самостоятельности индивидов к согласию с анархизмом.

1. Государство — это группа лиц, которым принадлежит право осуществлять высший авторитет на данной территории. Послушание государству состоит в подчинении государственным чиновникам на том основании, что они обладают правом приказа.

2. Ответственность связана с выбором, поэтому люди не могут избежать ответственности за свои действия. Но они могут отвергать саму идею ответственности. Инициатором такого поведения является властно-управленческий аппарат государства. Его члены послушны приказам без размышления о том, являются ли они хорошими или плохими. Тем самым члены государственных аппаратов отказываются от моральной автономии.

3. В результате влияния государства на общество многие граждане тоже отказываются от ответственности и автономии.

4. Тем самым конфликт между мнимым авторитетом государства и личной самостоятельностью становится неразрешимым.

5. «Следовательно, для просвещенного человека философский анархизм есть единственное политическое убеждение, с которым он может согласиться» [11, с. 64].

«За» и «против» государства

Кроме теоретических аргументов в пользу принципиального анархизма существует детальная критика государства и связанных с ним институтов. Ее главные положения состоят в следующем:

- нет убедительных аргументов в пользу государства и его институтов;
- эти институты не являются необходимыми для достижения социальных целей;
- они порождают множество отрицательных и непредвиденных последствий, уничтожающих социальную гармонию;
- государственные институты принимают множество решений, бесполезных для общества и вредных для окружающей среды;
- люди вынуждены нести тяготы, связанные с существованием государства;
- если такие тяготы не являются необходимыми, то они не имеют под собой никаких оснований.

Но анархистская критика государства этим не заканчивается. Государство — это инструмент для сосредоточения богатства и привилегий в руках меньшинства, связанного с государственной властью. Поэтому обществу совсем необязательно тащить на своем горбу государство. Марксистская доктрина отмирания государства является ложной, поскольку она привела на практике к небывалому усилению государства. Значит, общество должно содействовать разложению и ликвидации государства,

Отсюда вытекает: обязанности людей перед государством не имеют ни оснований, ни цели, ни смысла. Политическая теория должна раскрыть природу обязанностей людей перед государством. По мере ее становления становится ясным, что у них нет никаких оснований.

Ненужное зло. Государства охраняют неравенство, господство, эксплуатацию, богатство, собственность и привилегии. Осуществляют такую их концентрацию и перераспределение, которая выгодна привилегированным классам и группам. Государственные мужи постоянно устраивают множество конференций и прочих толковищ, роль которых все более становится символической. Экономическую полезность этих сборищ никто не доказал. Расходы для покрытия этой мнимой деятельности извлекаются из карманов налогоплательщиков или добываются путем эксплуатации природных ресурсов, находящихся на территории государства.

Главный исторический результат появления государства — господство и эксплуатация одних социальных групп в пользу других. Все государства коррумпированы. Еще ни одно государство не преодолело коррупцию. Государство как товар или каприз стоит крайне дорого. Для его существования нужна усиленная эксплуатация природных ресурсов. Поэтому чем беднее население той или иной страны, тем более государство выступает главной причиной пауперизации.

Главная причина ненасытности государства — постоянный рост дорогостоящего и непродуктивного властно-управленческого аппарата. Все дела, которые берется решать государство, становятся бездонной прорвой для расхода средств. Неэффективность, постоянные повторения одних и тех же действий,

запаздывание решений, тотальная инерция — универсальные характеристики государств. Поэтому анархисты утверждают, что без государства можно сократить выбрасывание ресурсов и денег на ветер. Уменьшится эксплуатация населения, не говоря уже о расходах на организацию любого дела.

Государства уже имеют огромную власть. Но постоянно ее увеличивают путем все большей централизации, расширения контроля над сферами социальной жизни, сдачи земли и предприятий в аренду, монополии над финансами и т.д. Для противодействия чрезмерной власти государства либералы сформулировали принципы отделения церкви от государства и разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. На протяжении XX в. росло функциональное разделение власти, из-за чего компетенция государственных ведомств и чиновников еще более уменьшилась. Но все эти действия не уменьшили, а усилили власть государства. Дробление функций привело к тому, что беспорядок стал правилом функционирования государственных ведомств: «Государство — это самый своевольный анархист, обвиняющий в анархизме его последовательных противников» [21, с. 187].

На протяжении всего периода своего существования, который еще не закончился, государство назойливо лезло в повседневную жизнь людей. Оно стремится всюду сунуть свой нос. Наиболее ярко описал это свойство Прудон: «Быть подданным государству — это значит при любом действии и решении самого пустякового вопроса подвергнуться учету, регистрации, записи, налогообложению, штемпелеванию, измерению, нумерации, оценке, сдаче в аренду, уполномочиванию, упоминанию, обложению запретами, реформированию, исправлению и наказанию. Под предлогом общей пользы и во имя общего интереса государство стремится каждого обложить данью, подвергнуть дрессировке, шантажировать, эксплуатировать, монополизировать, принудить, выжать все соки, обхитрить и обворовать. А при малейшем сопротивлении и даже тишайшей жалобе государство подвергает репрессиям, налагает штрафы, осуждает, беспокоит без всякого повода, выслеживает, третирует, помыкает, дубасит, разоружает, придушивает, бросает в каталажку, судит, казнит, расстреливает, депортирует, приносит в жертву, продает и предает. И, наконец, в довершение всего, государство подвергает позору, высмеиванию, насилию и лишает малейшего достоинства. Вот что такое власть, вот ее справедливость и такова ее мораль» [11, с. 97].

Из всего перечисленного вытекают требования ограничить права разжившего государства. Ликвидировать его отдельные части путем отмены тех или иных законов, продажи государственных предприятий и т.д. С точки зрения анархистов такие требования не последовательны. Прежде всего потому, что они не предполагают сведения государства к нулю и обходят те сферы, которые имеют значение для крупных промышленников, финансистов, местной и международной мафии. Кроме того, такие требования обычно ведут к ликвидации структур, ответственных за повседневную безопасность людей, вместо

того, чтобы ликвидировать установления, обслуживающие интересы эксплуататоров, бюрократии и юристов. Например, почти во всех развитых государствах существует закон об ограниченной ответственности предприятий, законодательное ограничение права на забастовку, полицейская регламентация митингов. Ни один профсоюз пока не добился ликвидации этих законов, не говоря уже о множестве ведомственных инструкций, усиливающих господство государства над обществом.

Все идеологи государства (от либералов до националистов) внедряли в сознание общества один и тот же стереотип: государство поставляет и добывает «общие блага». Если даже согласиться с этим шаблоном, из него не вытекает ничего хорошего для охраны природной среды, здоровья человека и социальной справедливости. Само существование государств несет в себе угрозу для населения, проживающего на данной территории. Прежде всего потому, что ведение войн есть прерогатива государства. Оно также поддерживает деятельность ядерной промышленности и энергетики, гигантских химических предприятий и других структур, опасных для жизни людей.

Государства обычно стремятся к унификации, исключению плюрализма и культурных различий. Все это осуществляется во имя мнимого единства нации или «морально-политического единства партии и народа». Данное единство обычно мотивируется наличием внутренних и внешних врагов. Поэтому даже наиболее либеральные государства затрудняют жизнь национальных меньшинств. Особенно во время войны и других чрезвычайных обстоятельств. Государства всегда ссылаются на миф национальных интересов и ценностей, а на деле подменяют их интересами государственного аппарата, политических элит и других привилегированных групп. Эти круги общества создают целую систему государственных ритуалов, церемоний, принуждая граждан к участию в них. Речь идет о многообразных религиозных и спортивных праздниках, торжествах по поводу дат и юбилеев, расходовании громадных средств на строительство памятников по типу египетских пирамид и т.п. Наиболее опасно то, что вся эта система внедряется в сознание детей, начиная со школы. Чем более длительное время существует данное государство, тем более оно деформирует непосредственное восприятие и критический потенциал каждого человека. Программы школьного и вузовского образования могут рассматриваться как воплощение такой деформации.

Государства были и остаются важнейшим источником войн. Без наличия государств не были бы развязаны мировые войны XX в., которые унесли в могилу больше людей, чем во всей предшествующей истории. Государство является монополистом в производстве оружия и военных технологий, наживаясь на их продаже. Чем более развито то или иное государство, тем более оно выступает производителем и экспортером оружия. Можно утверждать совершенно определенно, что без поддержки со стороны государств (прежде всего

США и СССР) не возникло бы ядерное оружие. Следовательно, не было бы и перспективы ядерной войны — главной опасности XX столетия.

Государства затрудняют также становление нормального международного порядка. В настоящее время не существует эффективных международных организаций, способных исключить войны из жизни человечества: «Этот факт есть результат нежелания национальных и многонациональных государств отказаться от части своего суверенитета, а также их опасения перед господством самых сильных государств мира. Надо стремиться к преобразованию национальных и многонациональных государств в комплекс специализированных департаментов. Только тогда можно будет ожидать, что большинство международных проблем будет решено соответствующими специализированными организациями. С одним единственным условием — эти организации отбросят бюрократический способ деятельности, характерный для государственных аппаратов, и станут разновидностью креативных организационных структур» [22, с. 221].

Из сказанного вытекает два вывода:

1. Государство нельзя обосновать путем описания специфики его генезиса или указания на факт его существования. Стихийные бедствия и социальные катаклизмы тоже являются фактами, но они лишены обоснования. Тогда как историческое описание генезиса государства было и останется разновидностью политического мифа.

2. Критерий пользы и другие утилитарные критерии не могут служить способом обоснования государства. Потому, что еще никому не удалось подсчитать соотношение доходов и расходов населения Земли на создание множества государств. И доказать, что доходы каждого жителя Земли возросли вследствие создания того или иного государства.

Оба вывода относятся ко всем государствам, применяющим средства насилия и манипуляции людьми: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, лишение свободы действий, заключение в тюрьму, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление и другие методы медицинского и психического воздействия, пытки, террор, клевета, обман (прямой и косвенный), экономическое, социальное и политическое неравенство, отказ от сотрудничества, материальный и символический подкуп, привилегии, коррупция (прямая и косвенная), провокация, скрытая помощь, управление сознанием. Ни одно государство не отказалось от этих средств. Как в таком случае определить пользу, которая превышает или хотя бы уравнивает их применение? И можно ли полагать, что человечество было бы хуже, если бы государства не культивировали применение таких средств?

На первый вопрос невозможно дать определенный ответ. На второй вопрос ответ может быть только отрицательным. Правда, аргументы в пользу государства не сводятся ни к чисто историческим, ни к однозначно утилитарным.

К ним нередко добавляют аргумент о необходимости государства, поскольку оно «заботится» о людях. Надо развязать и этот узел политической мудрости.

Ложная аксиома. Государство не есть объект, обоснование которого скрывается в его бытии. Ни один аргумент с целью такого обоснования не является убедительным. В либерализме был сформулирован постулат: хотя само бытие государства есть проблема, оно все же есть необходимое зло. Эту импликацию можно преобразовать: хотя государства до сих пор были воплощением зла, они не являются необходимыми. Ведь уже сейчас возможны альтернативные миры, включая виртуальные государства. Как определить возможный мир, существующий без государства?

При ответе на вопрос надо учитывать, что суждение о необходимости государства скрывает обычный прагматизм. Например, религиозное обоснование государства обычно связано с указанием на недостатки и пороки человеческой природы. Светские певцы государства к этому добавляют, что недостатки усиливаются при значительной концентрации людей и связанных с этим дефицитом определенных товаров и благ. Однако такие ситуации создаются самими государствами. Кроме того, прагматическая аргументация в пользу государства базируется на недоказанной посылке: в безгосударственном (первичном, естественном) состоянии людей существуют жестокие отношения между ними, а вся человеческая практика мотивируется исключительно эгоистическими интересами. Это положение не подтверждается современными антропологическими и этнографическими исследованиями.

Примечательно, что во второй половине XX в. (за незначительными исключениями) уже не предпринимались попытки обоснования государства. Оно считается самоочевидной данностью, не нуждающейся в доказательстве.

Государство стало аксиомой, аналогичной фигуре Бога в средневековой системе мышления. Как известно, в этой системе Бог рассматривался как воплощение абсолютного добра. Но стремление согласовать это качество с размерами зла, господствующего в мире, породило ряд противоречий и парадоксов, не разрешенных в религиозной мысли [23]. Тогда как государство издревле и до сих пор вовлечено во зло мира и само его порождает. Следовательно, оно было и остается проблематичным объектом.

Этот объект не может быть воплощением чистых постулатов и аксиом. Не существует и таких доказательств в пользу государства, которые бы соответствовали онтологическому доказательству бытия Бога как воплощения абсолютного совершенства. Все реально существующие государства не являются совершенными. Это относится и к любым проектам возможных государств, создать которые торопятся лидеры националистических движений.

На протяжении XX в. произошла институционализация государства как главной части современных политических структур. Следовательно, все отрицательные свойства институционализации любой сферы деятельности целиком относятся и к государству. Например, в результате этого процесса сама про-

блема доказательства государства приобрела академический характер. И уже не является главной темой социально-политической мысли. В результате такого преобразования вся тяжесть доказательства перебрасывается на анархистов. Они должны доказывать, что социальная жизнь человека могла бы протекать не менее «хорошо и гладко» (как втайне думают мертвые, живые и еще не рожденные этатисты) без государства. Не надо специально доказывать, что даже применение критериев уголовной юриспруденции позволяет прийти к банальному выводу: государственные мужи на протяжении XX в. совершили большее число преступлений против человечества, нежели негодяи-анархисты.

Разумеется, анархисты не освобождаются от доказательства возможности эффективной социальной жизни без государства. Но та же обязанность падает на этатистов. Если иметь в виду попытки прагматического обоснования государства за последние 300 лет, то они принимали форму договорных и функциональных теорий, а также мотивировались соображениями порядка и безопасности. Рассмотрим высказанные при этом главные аргументы.

Теория договора. Сама проблема обоснования государства в либерализме опирается на идеализацию реального исторического процесса. Эта идеализация привела к ряду политических экспериментов по воплощению «прав человека» и прочих иллюзий. В обоих случаях мы имеем дело с мифической историей появления государства из воображаемых догосударственных форм существования людей. Теория общественного договора — наиболее известный вариант такой реконструкции.

От Гоббса и Руссо до Джона Ролза транслируется одна и та же сказка: о том, что первобытные люди, будучи членами общества, заключили между собой общеобязательный договор и установили государство ради собственной безопасности. Ролз усложнил сказку за счет введения в нее первичной ситуации выбора. Это — целая система сделок и торгов, в результате которой люди добровольно соглашались на создание первичных условий, гарантирующих их свободу, равенство и достоинство.

Либертарианская теория государства — вариант теории договора. Она стремится задним числом обосновать появление государства как всеобщей страховой конторы высшего порядка. Эта контора появилась естественным образом из догосударственных структур. Например, идея «минимального государства» Р.Нозика базируется на послышке: существует множество конкурирующих между собой агентств, которые стремятся сделать жизнь человека наиболее безопасной; из этого соперничества возникает государство, обладающее монополией на гарантирование безопасности людей.

Следует подчеркнуть, что либеральная сказка не имеет отношения к действительной истории. Все государства возникали путем насилия, захвата и колонизации территорий. Военные средства были главными при создании государств. Мне еще не приходилось слышать об установлении государств, которые бы сразу предлагали населению изобилие благ, просвещение и либе-

ральную свободу выбора. Значит, идеальные реконструкции действительного исторического процесса и разнообразные мифы на этот счет не могут считаться обоснованием государственных структур власти. Выдумки о государстве отличаются от реальных государств, бремя которых вынуждено нести на себе человечество.

Аргументы договорных теорий государства не удовлетворяют стандартам логики, содержат неверные послышки о крайней жестокости догосударственного состояния людей. Поэтому можно утверждать, что государство по-прежнему существует без достаточного основания. Допустим, послышка об установлении государства по соображениям безопасности верна. Как тогда быть с фактом: в результате установления государства возникает структура, намного более опасная для людей по сравнению с опасностью, исходящей от одного человека? Разумеется, я не сомневаюсь в уме либералов, поскольку они считают науку панацеей от всех бед. Допустим, социальный договор заключают сообразительные люди. Но если учесть реальные обстоятельства, то их следует признать дураками. Ведь умники сразу бы предвидели опасности, которые несет в себе государство — наемный убийца. Иначе говоря, при допущении об умных людях, устанавливающих государство (на чем настаивают либералы), они немедленно должны были бы отказаться от его установления.

Аргументы в пользу «минимального государства» тоже не являются убедительными. В них скрывается патерналистская иллюзия: государство — это отец, заботящийся о благополучии детей-подданных. Этот ход мысли опровергнут И. Кантом более 200 лет тому назад. Правда, целые поколения современных либералов, консерваторов и социалистов по-прежнему ждут милостей от государства, а целые школы экономической мысли укрепляют эту иллюзию. Она не может считаться обоснованием государства [24].

Функциональный Левиафан. Следующая попытка обосновать необходимость государства — ссылка на функции, которые оно выполняет. Элитистские пифии вещают, что без государства не обойтись, поскольку оно выполняет такие и сякие функции. А главное — снабжает нас социальными благами, среди которых главной является поддержание порядка. Только безнадежный элитист может утверждать: современные государства гарантируют оптимальное распределение социальных благ. Отсюда вытекает два вывода:

1. Все способы легитимизации государства посредством постулирования оптимальных исходных условий раздела социальных благ не соответствуют действительности. Это относится ко всем экономическим, социальным и политическим теориям, обосновывающим особую роль государства как распределителя и перераспределителя благ.

2. Анархистская альтернатива не обязана гарантировать оптимальное распределение благ ради победы над элитизмом как способом политического мышления и поведения. Достаточно, если объем социальных благ превышает традиционное крохоборство государства. Для установления меры такого кро-

хоборства надо провести сравнительное исследование системы пенсионного обеспечения всех ныне существующих государств в сопоставлении с постоянным повышением уровня жизни. Мне такие исследования неизвестны.

Многие считают государство главным поставщиком социальных благ. Этот аргумент базируется на ложной дихотомии частного и публичного. Эта дихотомия есть следствие постулата либерального индивидуализма: частное благо есть дело отдельных индивидов и корпораций, а общественное благо есть дело государства: «Между тем пространство между индивидами и государством заполнено многообразными социальными группами, клубами, общинами, союзами, обществами, кланами, племенами и т.д. Такие группы тоже могут обеспечивать социальными благами ничуть не хуже по сравнению с государством» [11, с. 172].

Современное либеральное государство появилось примерно в то же время, когда возник индивидуализм. Либерализм на протяжении всей своей истории обосновывал экспансию индивидуализма. Поэтому в большинстве аргументов в пользу государства фигурируют индивидуалистические постулаты. Главным из них является дилемма узника, порождающая трагедию общих благ: «Общая форма таких аргументов состоит в следующем. Индивиды действуют на собственный страх и риск в определенных предзаданных условиях, которые описываются в языке теории игр. Эти условия предполагают ограниченные отношения с другими индивидами, тоже действующими самостоятельно и независимо. Поэтому в отдельных случаях индивиды вынуждены принимать решения и использовать стратегии, находящиеся ниже оптимального уровня. И только в результате внешнего влияния они могут принять правильное решение. А оно принимается за суррогат государства. Поэтому даже основания таких аргументов не являются убедительными» [25, с. 257].

Я не буду вникать в подробности данных аргументов, а сформулирую общее положение: государство не является необходимым и достаточным условием решения проблем, вытекающих из независимых действий и конкуренции индивидов. Уже давно существуют отрасли промышленности, которые заняты эксплуатацией природных ресурсов. Государство способствовало их появлению и потому несет ответственность за трагедию общих благ. Но эту трагедию можно описать, не прибегая к государству. Достаточно познакомиться с историей истребления слонов ради наживы. Проблема состоит в создании такого способа противодействия своекорыстию, властолюбию и стремлению к духовному господству, которое бы подрывало эти мотивы поведения с момента рождения человека. Однако ни одна политическая идеология и ни одно государство не смогли решить эту проблему.

Не исключено, что невозможность ее решения объясняет политическую иллюзию: государство, имеющее монополию на применение силы, необходимо для обеспечения людей общими благами. Эта иллюзия способствовала появлению множества государственных ведомств, выполняющих роль «забот-

ника» о множестве таких благ. Однако возможен противоположный способ рассуждения: общество как множество индивидов само создает и контролирует ведомства, направленные на достижение тех же самых социальных целей. «Каждый из таких институтов, — пишет Д. Бернхейм, — может получить одобрение сообщества людей путем апелляции к демократическому признанию. Эти институты могут контролировать реализацию собственных рекомендаций и решений путем применения санкций и других допустимых средств. Причем они могли бы вступать в сотрудничество с другими институтами, получившими одобрение аналогичным образом» [26, с. 221].

Классики анархизма (Кропоткин) считали примерами таких институтов почту и транспорт, действующие на международном уровне. Значительная часть современной литературы на тему международных отношений подтверждает возможность сотрудничества в условиях анархии.

Еще одним примером является спорт. Каждый вид спорта обладает международной организацией, в ведении которой находится множество вопросов — от правил игры до организации соревнований. Разумеется, такие организации не свободны от расколов и конкуренции. Однако это не мешает им эффективно функционировать без применения насилия. Санкции сводятся просто к исключению тех или иных спортсменов или национальных организаций из участия в международных состязаниях.

Короче говоря, современный анархизм постулирует возможность создания альтернативных организационных и социальных структур. При этом учитывается горький опыт революций XIX—XX вв. Они обычно приводили к такому типу государственного устройства, который функционировал в соответствии с принципом «Все, что не разрешено, то запрещено». Этот принцип ведет к исключению альтернативных организационных и социальных структур из общественной жизни. В результате граждане начинают ждать милостей от правительства. Теряют опыт спонтанной и независимой от государства организации. А государство стремится создать условия, способствующие самосохранению. И укоренить в обществе иллюзию о том, что оно необходимо для выполнения всех социальных и даже индивидуальных действий и функций.

Порядок и безопасность. Едва государство установлено, возникает опасность ликвидации его социальных функций. Прежде всего тех, которые связаны с удовлетворением элементарных потребностей человека в питании, одежде, жилище, здравоохранении. Это относится не только к советскому государству, которое превратило эти потребности в предмет бесконечной заботы, но так и не смогло их удовлетворить. Капиталистическое государство руководствуется экономическим рационализмом. И стремится перебросить выполнение этих функций на частные фирмы и предприятия. На этой почве возникает политика приватизации.

Однако во всех случаях государство оставляет за собою главные функции — взимание налогов, чеканку и эмиссию денег, вопросы войны и мира,

поддержание порядка, безопасности. Монополия на эти функции соединяет разные типы и формы государства. Даже либертарианская концепция «минимального государства» сохраняет за ним данные функции. В их выполнении заключается следующий аргумент в пользу государства.

Прежде всего отметим, что передача всех финансовых структур в руки групп населения и проведение референдума по извлечению всех видов налогов вполне возможны. Ведь передача банков и других финансовых структур в руки частных лиц, корпораций и коммунальных служб нисколько не ликвидирует монополию государства на финансовую и фискальную политику. Но ни одно государство пока не взялось за реализацию этой возможности. Против нее выступают, в первую очередь, финансисты и связанные с ними государственные чиновники. Но интересы этих групп не могут считаться репрезентативными для выражения общих интересов населения.

То же самое можно сказать о порядке и безопасности. Передача данных функций в руки государства обычно мотивируется тем, что они необходимы для борьбы с преступностью и коррупцией. Однако еще никому не удалось доказать, что преступность и коррупция уменьшились в результате создания полицейских сил государства. Само их наличие и принадлежность к государству не может считаться доказательством, поскольку передача функции поддержания общественного порядка в руки государства — продукт недавнего происхождения. А всякий исторический феномен не является общеобязательным.

По мере создания и передачи полицейских сил в руки государства сразу возникает вопрос о соотношении пользы и вреда от их самостоятельности. Опыт СССР показал, что осуществление эффективного социального контроля над этими структурами наталкивается на множество препятствий. Едва полиция становится независимой от социального контроля, она начинает претендовать на особую политическую роль. Это явление существует и в России. М.Геллер проанализировал подготовленные бывшим председателем Комитета по обороне и безопасности С.В.Степашиным и принятые парламентом России законы «О безопасности» и «О Федеральных органах государственной безопасности» и показал, что они не обеспечивают реализации прав человека и могут применяться как орудие подавления демократии: «В сегодняшних разговорах о необходимости обеспечения безопасности в России обращает на себя внимание желание поставить закон ниже службы безопасности» [27, с. 351].

Короче говоря, типичное государство не в состоянии устранить коррупцию и преступность и само стало их источником. По причинам собственной силы, охвата сфер социальной жизни и характера деятельности государство порождает значительную часть того, устранению чего оно должно служить. Это объясняется несколькими факторами: государство стремится поддерживать определенную мораль, в результате возникает ряд «преступлений без жертв»; государство стремится к сохранению своей монополии над финансами, в результате возникает ряд финансовых преступлений; государство поддерживает

социальные неравенства и приватизацию богатства, в результате возникает ряд преступлений против собственности.

Все анархисты согласны с тем, что главным источником всей системы преступлений является государство с легионом стражей порядка, закона и безопасности. Ту же мысль высказывают либералы, марксисты, социалисты, феминисты, экологи, коммунитаристы. Но чем заменить разросшийся аппарат стражей? На этот вопрос отвечают по-разному. Анархо-коммунисты предлагают устранить частную собственность, в результате чего исчезают преступления против собственности. Анархо-капиталисты санкционируют неограниченное накопление собственности и требуют особых правовых процедур, исключающих господство полицейских органов над судебной и законодательной властью. В этом русле формулируются предложения о роспуске полицейских органов и передаче всех их средств в руки страховых компаний по месту жительства. Жители могут нанимать полицейских при необходимости, а также пользоваться для обеспечения безопасности коммунальными и муниципальными службами.

В отношении вооруженных сил тоже предлагаются разные решения. Однако социальные и индивидуалистические типы анархизма сходятся во мнении: для обороны страны (территории) требуются определенные институты. Дискуссия идет о предпочтении функциональных органов (созданных специально для охраны данной территории) или комплекса частных охранных фирм, возникающих в результате заказов жителей данной территории. При выборе первого варианта допускается гражданская самооборона. В обоих случаях речь идет о стремлении решить важные политические проблемы, связанные с существованием регулярных армий и военно-промышленных комплексов. Их существование принадлежит к числу наиболее острых глобальных проблем современности.

«Если государства нет...». Итак, все перечисленные аргументы — теория договора, ссылка на множество социальных функций и соображения порядка и безопасности — являются не доказательством, а оправданием государства. Несмотря на это этатисты прошлого и настоящего выступают адвокатами этого чудовища. Ход их мысли несложен: анархизм еще не был воплощен на практике, поэтому он вообще не в состоянии функционировать. Ни посылка, ни следствие не являются истинными: «До наступления эры современных государств анархизм функционировал вполне успешно в некоторых частях Америки, Сибири, Севера и Тихого океана. А после появления современных государств анархизм просто лишили возможности действовать на национальном уровне. Зато он поразительно оперативен на международном уровне» [11, с. 163].

Согласно прагматической аргументации, первичные общества могли существовать без государственной структуры и организации. Но невозможно вообразить функционирование современных индустриальных обществ без го-

сударства. Эта аргументация тоже сомнительна. Потому, что в современном обществе, подчиненном государству, существует крайне малое пространство для социальных экспериментов. Зато анархизм имел возможность функционировать во время гражданской войны в России и в Испании. И действовал вполне успешно, пока его не подавили [28]. Но опыт своих и чужих опричников и фарисеев не может считаться универсальным.

На международном уровне анархия функционирует успешно уже несколько столетий. Международный порядок по сути является анархическим. Нет мирового правительства, обладающего силой, авторитетом и другими политическими институтами, которые позволяют беспрекословно исполнять его приказы. И хотя существующий международный порядок не может считаться вдохновляющим примером для подражания, отдельные государства еще менее заслуживают роли примера. Прежде всего потому, что анархия входит в плоть и кровь деятельности государственных аппаратов, использующих любые идеологии для собственного оправдания.

Международный порядок оставляет желать лучшего. На этом фоне раздаются призывы к созданию «нового мирового порядка». Например, З.Бжезинский предлагает создать такой порядок под эгидой США [29]. Певец силовых структур России А.Дугин предлагает сохранить Россию как мировую империю [30]. Мне уже приходилось на одной из конференций публично указывать А.Дугину, что его аргументы по содержанию, структуре и цели не отличаются от взглядов З.Бжезинского. Из-за стремления некоторых государств к мировому господству и идеологического обоснования такого стремления в текстах современных «специалистов по цивилизациям» (примером может быть С.Хантингтон) современный международный порядок далек от идеала. Главной причиной этого являются сила и бескомпромиссность держав, тем более мировых. Существующие международные институты не в состоянии устранить всю бездну неравенства и несправедливости современного мира. Следовательно, надо искать альтернативные решения.

Речь идет об анархистском проекте, предполагающем эрозию государств и ограничение государственного суверенитета. Следует подчеркнуть, что этот проект не имеет никакого отношения к господству нескольких держав (страны «семерки», Россия и Китай) над остальным миром — т.е. над всеми прочими государствами, которых больше двухсот. Не имеется также в виду использование существующих международных организаций (типа ООН), поскольку они отражают интересы нескольких держав. Ограничение суверенитета не предполагает потакания произволу транснациональных финансовых корпораций, более-менее связанных с интересами государств, претендующих на роль мировых дирижеров. Речь идет лишь о проверке анархистского проекта на практике. Но сами государства способствовали тому, что они не оставили места для социальных экспериментов. Раньше в мире существовало значительное пространство для политических экспериментов и проверки разных политических

решений. Русские мыслители считали Россию удобным полем для такой проверки.

Например, А.Чаянов в 1920 г. мечтал о том, что в России исчезнет государство уже в 1984 г.: «Народные массы, втянутые в государственное творчество, создают самые неожиданные варианты. В Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели «удельного князя», правда, ограниченного властью местного совета, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит генерал-губернатор центральной власти. Ликвидация городов окончательно решит проблему, которую десятилетия спустя будут называть экологической» [27, с. 8].

Однако ни СССР, ни другие государства не дали возможности осуществить этот проект. В настоящее время население Земли замкнуто в больших перенаселенных государствах. В них трудно даже передвигаться. Такая ситуация была создана государствами. Следовательно, они же должны взять на себя смелость экспериментирования с проектом безгосударственного общества. Тем более, что ни одна из классических политических идеологий (либерализм, консерватизм, марксизм и социализм) не подтвердилась полностью на практике.

Такова ситуация в начале XXI в. Возражения этатистов против реализации анархистского проекта (я имею в виду интеллектуально честных этатистов, а не тех, кто отражает интересы разных звеньев государственного аппарата) могут быть сведены к аргументу: если устранить государство, социальная система лишится последней гарантии. Однако такой же аргумент выдвигался для доказательства существования Бога. Не говоря о его ложности, возникает дополнительный вопрос: кто возьмет на поруки эту самую «последнюю гарантию»? Всем известно, что государство может дать гарантию для банка или поддержания социальной безопасности. Но население бывшего СССР (России) больше всех других стран убедилось, что государство может крупно подвести. И даже при поддержке других государств [31]. Следовательно, последней гарантии не существует.

Тем более эту роль не может выполнять государство. В теологии для доказательства существования Бога вводится дополнительный постулат о том, что он обладает определенными свойствами — является всемогущим, всезнающим и всеблагим. Тогда как большинство государств отличается свойствами жестокости, некомпетентности, коррумпированности и аморальности. Носителями этих свойств является государственный аппарат. Если до сих пор эти свойства не были устранены с помощью авторитарной власти, располагающей всеми средствами насилия, то маловероятно, чтобы она смогла сыграть роль высшей гарантии в будущем. Таким образом, рушится последний аргумент в пользу государства.

Зато существует ряд менее надежных социальных гарантий. Все дела всех банков могут подвергаться публичному контролю для того, чтобы убедиться в их социальной эффективности. О здоровье человека лучше судить на осно-

вании наблюдения за его функционированием, чем доверять гарантиям врача о здоровье или соглашаться с его рекомендациями о необходимости хирургического вмешательства. То же самое относится к социальным структурам, которые не могут функционировать без поддержки государства. Они нуждаются в гарантиях с его стороны лишь в силу неизлечимых болезней.

Модификации

Существует множество видов анархизма — индивидуалистический, капиталистический, коммунистический, мутуализм, синдикализм, либертарианский социализм, социалистический, экологический и т.д. Каждый из них не имеет строгой дефиниции и не является абсолютной противоположностью остальных. До сих пор не существует удовлетворительной классификации анархизма. Есть хаотический конгломерат. В результате на основании одной или нескольких разновидностей высказывается оценка анархизма в целом. Такая ситуация не может считаться нормальной. Для ее устранения можно предложить ряд параметров для классификации анархизма.

Параметры и типы.

К их числу относятся:

- отношение между частью и целым;
- отношение к собственности;
- отношение к политике;
- способ принятия групповых решений, связанный с отношением к выборам;
- способ осуществления социальных изменений; отношение к инициаторам изменений.

Отношение между частью и целым дает классификацию организационных решений и объясняет страноведческую специфику анархизма. Европейские версии анархизма (включая Россию) тяготеют к приоритету целого над частью. Американские варианты анархизма отличаются индивидуализмом. Для устойчивости приоритета целого над частью требуется сильная идеологическая связь, которую до сих пор выполняли коммунистическая, социалистическая и националистическая идеологии. Индивидуалистические варианты анархизма не нуждаются в общей идеологии и тяготеют к либерализму в его радикальных вариантах.

Отношение к собственности колеблется от полной приватизации через индивидуальную и коммунальную формы собственности к абсолютной общественной собственности. Индивидуальная или личная собственность может включать ограниченное обладание и полное отсутствие собственности. Эта классификация зависит от тяготения анархизма к холистическому или индивидуалистическому варианту.

Оба ранее указанных параметра определяют отношение анархизма к политике и способу принятия решений. Этот способ может колебаться от пол-

ной (непосредственной) демократии, через демократию большинства и олигархию, до полной диктатуры. Способ осуществления социальных изменений включает конституционный и неконституционный, мирный и насильственный путь.

Отношение к инициаторам (субъектам) изменений тоже колеблется и включает: народ как множество единичных индивидов, люмпен-пролетариат, профсоюзы, политические партии и отдельные лидеры, уполномоченные на такие изменения производно от всех предшествующих параметров.

Представленная классификация не является полной. В ней не учитывается отношение анархизма к методам распределения социальных и индивидуальных благ (рынок, насильственное перераспределение в результате коллективных акций, административные методы), к использованию технологий (экологически грязных и чистых), а также к организации труда и свободного времени. Для анализа этих вопросов требуется особая книга. Ограничусь проблематикой, вытекающей из классификации.

На ее основе можно сделать общий вывод: существует множество анархизмов, из которых в предшествующей истории проявилась только часть. Эта часть несводима к анархизму в целом, история которого начинается заново в феминизме, экологизме и коммуитаризме. Причем речь идет пока только о разработке теоретического пласта анархизма, а не о становлении полноценного социального движения, отвергающего государство и традиционные формы политики.

В предшествующей истории анархизма было много разных концепций. Это качество отличает анархизм от остальных идеологий и может быть обозначено как радикальный плюрализм, который озадачивает всех: «Плюралистический характер анархизма способствовал тому, что даже благосклонные его критики останавливались в раздумье перед вопросом: является ли вообще анархизм идеологией или просто путаницей разных взглядов?» [15, с. 3]. Нетрудно понять, что такой вопрос является следствием молчаливой посылки: всякая идеология непременно должна быть монистической. На основе такого убеждения и возникает множество трюизмов, которыми переполнено большинство исследований, посвященных анархизму.

Я имею в виду постулат об аморфности, парадоксальности и противоречивости анархизма. Он базируется на смешивании хаоса с порядком. Причем, представление о хаотичности возникает в результате смешивания философского и методологического анархизма с анархизмом фактическим, анархизма индивидуалистического с социалистическим, а их обоих с холистическими вариантами анархизма и т.д. Но наиболее капитальная ошибка большинства рассуждений об анархизме — смешивание анархизма принципиального с его выродившимися формами.

Приведу пример. М.А.Бакунин традиционно считается одним из отцов анархизма, не только русского, но и европейского. Между тем в письме к Ни-

колаю I Бакунин обосновывал необходимость диктаторской власти в России. По его мнению, эта власть должна быть неограниченной, исключать свободу книгопечатания и парламент. Бакунин полагал, что только такая власть может быть «свободной» и способствовать «возвышению и просвещению народных масс». Однако на основе приведенной классификации ясно, что Бакунин представлял только один из множества вариантов анархизма. Он может считаться «классиком» выродившейся ветви анархизма, для которой идея плюрализма была неприемлемой. Об этом свидетельствует и его борьба с К.Марксом за установление диктаторских методов руководства в I Интернационале [32, с. 196 - 200]. Из обсуждения проблемы авторитета следует, что вырождение характерно для тех людей и групп, которые называют себя «анархистами», но неспособны принять плюрализм как принцип мировоззрения и политики.

Множество идеологий. Для адекватного описания анархизма модель плюрализма репрезентативнее монизма и дуализма. Анархизм — это множество связанных между собой типов политического мышления, объединенных общим смысловым ядром — отношением к государству. При таком определении исчезают проблематические элементы анархизма. Безусловно, анархизм не является идеологией в марксистском смысле слова. Марксизм не может считаться каноном любой идеологии по той причине, что у него есть корпус текстов, написанных основателем данной идеологии. У либерализма нет канонических текстов. И потому он может служить более надежной точкой отсчета при суждении об анархизме.

С другой стороны, анархизм не может также считаться движением по типу традиционных (рабочее и национальные) и современных (сторонников мира, экологическое, геев и лесбиянок и т.п.) движений. Плюрализм еще не располагает настолько солидной родословной, как монизм и дуализм. Да и сам принцип плюрализма не является общепринятым как вне, так и внутри анархизма.

Прежние формы анархизма отбрасывали плюрализм в пользу жестких монистических форм. Были вынуждены защищать уже существующие социальные структуры, методы организации и распределения. Все это вело к ожесточенным и бесплодным дискуссиям внутри анархизма между сторонниками разных концепций и решений.

Правда, в анархизме давно существует доктрина спонтанности. В процессе осуществления революции против государства массы спонтанно будут принимать решения об установлении нового социального порядка. Это создавало иллюзию в том, что никакое социальное и организационное решение не исключено. Предполагалось, что выбор будет сделан в пользу определенных решений. Они будут воплощены в жизнь под руководством активных и теоретически подготовленных анархистов, образующих авангард движения.

Иначе говоря, в предшествующей истории анархизм находился под влиянием монистических шаблонов мысли. В результате анархисты стремились развивать собственное учение путем включения в него новых требований и

постулатов. Однако они не вытекали из главных свойств анархизма. В качестве примера можно привести один из новейших манифестов: «Мы требуем непосредственной демократии, ликвидации любых иерархий, максимальной свободы, тотальной революции, устранения различия между средствами и целями, устранения всякого руководства и оптимизма относительно анархистского будущего всего человечества» [33, с. 161]. Однако принципиальные анархисты не имеют никакого отношения к таким лозунгам. Их сравнение с лозунгами российских анархистов и анализ программ последних может быть предметом специального исследования [34].

Принцип плюрализма позволяет объяснить также частичное переплетение анархизма с другими идеологиями. Прежде всего с теми, которые критически относятся к государству и любой власти, основанной на насилии, использующей разветвленный госаппарат. Тем самым анархизм, по определению, исключает все авторитарные формы консерватизма, фашизм, государственный капитализм, государственный социализм и национализм. С другой стороны, он частично совпадает с либерализмом, демократией и даже марксизмом в той его части, которая исключает государство в будущем. Именно перечисленные связи были и остаются причиной многочисленных недоразумений.

Общие свойства. Возьмем демократию. Она не следует из анархизма. Анархизм может пользоваться советами мудрецов (типа М.Ганди, сформулировавшего почти двести способов ненасильственной борьбы с властью) и прислушиваться к мнению интеллектуального меньшинства. Даже в том случае, если такие советы не отражают воли народа, а сами советники не избираются или не назначаются народом. В то же время из анархизма не следует отрицание демократии и применение недемократических процедур, как ошибочно полагает Р.Даль [35, с. 55 - 78]. В анархизме существуют как демократические (в разных значениях этого слова), так и недемократические формы. В частности, представительная демократия является лишь первым этапом на пути к воплощению анархистского проекта: «Ни национальное государство, ни многонациональные империи, ни представительная демократия не являются средствами демократии, адекватными современным условиям жизни» [26, с. 218].

Является ли главной ценностью анархизма индивидуальная свобода или групповая солидарность? Все зависит от обстоятельств социальной и политической борьбы. На первое место могут выдвигаться индивидуальная свобода, групповая солидарность, отрицание обоих, совместное существование индивидуальной свободы и групповой солидарности. Плюралистический анархизм предполагает несколько разновидностей сообщества: 1. Независимые индивиды, семьи и производственные кооперации, связанные между собой посредством рынка и договора. 2. Основанные на солидарности группы, которые свободно работают сообща и делятся всем заработанным в зависимости от индивидуальных потребностей. 3. Опосредующие формы, которые включают рыночные институты, ориентированные на индивидов, и сети социальной

безопасности, которые обеспечивают распределение с учетом основных потребностей людей.

Нетрудно разработать модели организационных структур, обеспечивающие разнообразие социальных общностей. Наиболее простая процедура — региональная модификация анархизма. В этом смысле краткие исторические эпизоды практического воплощения анархизма во время гражданских войн в России и в Испании могут считаться лишь первыми попытками регионализации, в рамках которой функционировали разные виды анархизма.

Свойства анархических сообществ тоже нельзя сводить к одному типу. Некоторые из них могут успешно функционировать только на основе сильной религиозной и идейной связи. Другие выступают против всякого насилия, но одновременно используют для борьбы с ним террористические методы. Те и другие не могут считаться последовательными анархистами.

Принципиальные анархисты не имеют ничего общего ни с идеократией евроазиатского типа, ни с многочисленными троцкистскими и маоистскими террористическими группами, использующими некоторые положения исторического анархизма для обоснования террора [36].

Существуют также различные версии нереализованных возможностей будущего анархического социального устройства. В них можно выделить общие организационные и структурные свойства:

1. Самоуправление. Оно не предполагает никакого вмешательства в жизнь общества со стороны государства и потому связано с отбрасыванием любого патернализма и централизма. По этому основанию анархизм может смыкаться с теми формами либерализма, которые рассматривают рынок как гарантию от вмешательства государства.

2. Добровольность. Всякое насилие при организации общества отвергается. То же самое относится к авторитету, если хоть в малейшей степени не является открытым и связан с применением административных методов. Реальная власть и авторитет могут продолжать существование, но они навсегда лишаются правомочности и легитимности, законности и доверия со стороны общества.

3. Децентрализация и деконцентрация. Иерархические отношения сохраняются лишь в той степени, в которой они связаны с федеральным способом политического устройства и горизонтальными структурами для осуществления максимального контроля над властью.

4. Противодействие любому укреплению власти. Речь идет прежде всего о сведении к минимуму роли главных государственных ведомств — обороны, иностранных и внутренних дел, политической полиции, разведки и контрразведки. Отношение к СМИ определяется тем, насколько они обслуживают интересы данных ведомств и участвуют в манипуляции обществом.

5. Противодействие любой эксплуатации и господству. Прежде всего — финансовой и фискальной политике государства, затем институту коммерческой тайны, поскольку они разрывают социальные связи между индивидами.

Указанные свойства можно обнаружить в большинстве социальных проектов анархистов. Его типы могут использовать разные способы распределения. Поэтому анархизм связан с разными экономическими, социальными и политическими теориями. Индивидуалистическая тенденция предполагает использование рынка и других способов обмена и распределения, характерных для капитализма. Примером может служить анархо-капитализм — тип социального устройства, к достижению которого направлено «минимальное государство» в соответствии с указаниями экономического рационализма.

Однако анархо-капитализм не в состоянии решить «... универсальные проблемы неэффективности рынка, если его предоставить самому себе. Поэтому анархо-капитализм отвергается экологами, феминистами и коммунистами. Главная проблема состоит в том, возможен ли регулируемый рынок без капитализма» [37, с. 86].

Спектр альтернатив. Можно ли такой социальный проект воплотить в жизнь без участия государства? Большинство людей привыкли жить в государствах и не располагает опытом альтернативных решений. Однако Д.Юм показал, что прошлый опыт не может служить основанием для суждений о будущих событиях. Требуется систематизация материала о совокупности отношений, связывающих людей без участия государства.

Уже говорилось, что примером добровольных соглашений является спорт. К нему можно добавить религиозные объединения, профессио-нальные союзы и корпорации производителей, функционирующие без участия государства. Тем самым государство разлагается на функциональные элементы и превращается в комплекс институтов, роль государства в которых сведена к минимуму. В свое время А.Грамши указывал, что вполне возможно управлять обществом без применения насилия. Для этого находящиеся у власти люди должны использовать системы убеждений, которые широко распространены среди населения. Природа таких систем в определенной степени зависит от политиков, поскольку они обладают возможностью пропагандировать свои взгляды.

Эмпирические исследования подтверждают этот вывод: «Как правило, люди соблюдают такие правила и законы, которые считают правильными с моральной точки зрения и не требующими процедурных уточнений. Из этого вытекают важные выводы для анархистских форм организации, не применяющих насилия. Анархистские правила будут приспосабливаться к доминирующим тенденциям, отклоняясь от них только тогда, когда такие отклонения можно полностью обосновать. В целом анархические решения будут опираться на самоуправляемые системы типа честных рынков, обладающих незначительной сферой распространения» [38, с. 178].

При плюралистическом определении анархизма возникает множество альтернатив, перечисление и анализ которых выходит за рамки данной статьи. Рассмотрю лишь некоторые.

Анархическое общество любой степени сложности (включая города) есть сеть децентрализованных организаций. Эта сеть имеет региональный характер и одновременно приспособлена к задачам, ролям и функциям каждой организации. Такая модель соответствует экорегиональному функционализму — синтезу политического функционализма и экологического биорегионализма.

Политический функционализм без центра необходим для ликвидации всех структур госаппарата, которые не соответствуют потребностям местного населения и навязаны ему сверху. Такая организация является добровольной, поскольку индивиды и группы не принуждаются к вступлению в нее, а ее деятельность базируется на добровольных соглашениях.

Как контролировать организации, вытесняющие государство и бюрократический аппарат из жизни общества? Даже при демократии любые избирательные органы неизбежно бюрократизируются, а контроль над ними становится звеном бюрократической машины. Население равнодушно и недоверчиво избирает центральный парламент, который с помощью других бюрократических структур контролирует исполнительную и судебную власть. Анархическая модель предполагает роспуск центрального парламента и представительств регионов в центре. Взамен создаются институты непосредственного демократического контроля над организациями, заменяющими госаппарат.

Меняется процедура выборов. Взамен дорогостоящих избирательных кампаний, контроль над которыми крайне затруднен, используется жеребьевка. Состав руководства любой организации избирается случайно из числа лиц, обладающих соответствующей профессией и живущих на данной территории. Причем для выполнения руководящих функций требуется добровольное согласие кандидатов. Все претенденты на любую руководящую должность подвергаются постоянной дисквалификации в зависимости от того, пользуются ли они СМИ для манипуляции населением. Меньшинства получают представительство в каждом из таких органов.

Эта модель демократии уходит корнями в демократию полиса, описанную Аристотелем. В современных исследованиях она квалифицируется как демократическая анархия [39]. Главное достоинство демократической анархии — ликвидация всякого дублирования власти и контроля на центральном уровне.

Президентская и парламентская модель демократии не могут устранить такое дублирование. По мере децентрализации отпадает необходимость центрального правительства, назначаемого президентом (премьер-министром) или избираемого парламентом. Тем самым исчезает поле деятельности для целых орд бюрократических надзирателей и теневых кабинетов. Как правило, они состоят из жителей столицы и включены в сеть клиентельных, парантель-

ных и лоббистских отношений, из-за чего развивается политическое неравенство между жителями столицы и других регионов страны.

Центральный парламент тоже ликвидируется. Вместо центрального правительства и парламента возникает сеть, не обладающая центром. Она создается функциональными организациями, которые непосредственно вплетены в комплекс производственных и социальных процессов. Главная проблема — исключить любую интеграцию людей через руководящие структуры.

Вместе с падением центра устраняется множество опасностей, которыми легитимируют свою необходимость вооруженные силы и политическая полиция, — государственные перевороты, захват власти, восстания, нападения других государств. Эти действия обычно связаны с захватом центра и его руководящих структур. При воплощении в жизнь анархистской модели опасность исчезает, поскольку не существует руководящей структуры, которая может быть захвачена повстанцами или внешним противником. Тем самым защита данного сообщества облегчается. Теряет смысл и вечная проблема государства: кто должен контролировать контролеров? Если контроль становится универсальной функцией, то главным контролером становятся институты непосредственной демократии, образованные по типу федеративных общин.

Итак, функционально действующие институты занимаются решением текущих социальных и административных вопросов. А как быть с большой политикой — комплексом решений по крупным социальным вопросам, устранению социальных конфликтов и изменению политических структур и направлений деятельности? Все такие действия осуществляются снизу — путем референдумов, выдвижения альтернативных предложений, публичных дебатов, формулирования конкурирующих научных концепций по любой проблеме.

Выбор из всего множества осуществляет высшее лицо или специально уполномоченный орган, которые несут всю полноту уголовной, моральной и политической ответственности за принятые решения и их последствия. Поэтому проблема ответственности, дифференцированная в соответствии со множеством критериев, становится центральной при осуществлении большой политики.

Как финансировать безгосударственные структуры, не располагая механизмами принуждения? Отметим, что только преступные и политические группировки руководствуются антисоциальными мотивами в своей деятельности. Большинство индивидов, фирм и корпораций предпочитают честно платить налоги, если они не превышают определенного уровня (закон Лойфера). Функционирование анархического общества не требует расходов, которые пожирают современные технобюрократические монстры. В обществе отпадает необходимость финансирования нескольких секторов государства, которые являются наименее продуктивными и наиболее дорогостоящими и расточительными. Да и к тому же они наименее доступны детальному демо-

кратическому контролю. Речь идет о ликвидации всего аппарата центрального правительства и представительной демократии, а также системы насилия — вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, политической полиции с ее сетью шпионов и доносителей, своры тюремных надсмотрщиков и судебной системы в той степени, в которой она повинна за создание преступлений и культивирует их, таможи, пограничных служб и т.д.

Но даже при устранении главных элементов государственного Левиафана остаются институты, которые необходимо финансировать (например, формирования гражданской обороны). Решение этого вопроса состоит из нескольких частей:

1. Множество институтов может полностью или частично перейти на самофинансирование. Для этого следует установить принципы оплаты за услуги. Например, организации, занимающиеся экспортом и импортом, получают доходы от совершения сделок. Основная часть этих доходов должна поступать в независимую бюджетную структуру, не имеющую права их расходовать и перераспределять.

2. Большая часть доходов общества вытекает из налогов, которыми облагаются все предприятия, эксплуатирующие природные ресурсы. Такие же налоги возлагаются на всех владельцев и арендаторов собственности. При изменении права наследования все непроизводительные предприятия «пускаются с молотка». То же самое относится ко всему унаследованному имуществу лиц, не заработавших его собственным трудом.

Практические действия в этом направлении зависят от специфики и культуры отдельных обществ. Поиск в этом направлении меняет всю систему традиционного хозяйственного права, финансовой и фискальной политики государства. Если развить идеи А.Макинтайра, то не только юристы, но и экономисты пока не в состоянии быть справедливыми. Устранение разных видов несправедливости становится главной задачей анархического общества.

Проблема собственности. Частная собственность была и остается наиболее острой проблемой всех идеологий — классических и современных: «Подобно государству, частная собственность может существовать без всякого обоснования» [40, с. 126]. Для борьбы с нею современные анархисты предлагают сохранить собственность на предметы личного пользования, тогда как в отношении постоянных предметов собственности (в их состав входят все предметы, которые при данном положении вещей выгоднее украсть для последующей продажи) предлагается аренда.

Система аренды напоминает способ функционирования частной собственности и в то же время помогает улучшить контроль над состоянием природной среды: общественные фонды производимого богатства выражаются в плате за арендуемые предметы; время аренды ограничивается; исключается чрезмерное накопление богатства и его передача путем наследования. Иначе

говоря, анархисты стремятся подорвать имущественные основания консервативной идеологии.

Например, в Австралии вместо сельскохозяйственного министерства создано ведомство по делам постоянных ресурсов. В его состав входят отделы, ведущие строгий контроль над всеми участками земельной собственности и ископаемыми, которые в них находятся. То же самое относится к водным и воздушным ресурсам. Эта структура направлена на предотвращение накопления земельной собственности в городах, поскольку оно было и остается доминирующей чертой капитализма и государственного социализма.

Если речь идет о России, то для применения такого принципа требуется предварительно установить: сколько и кому было заплачено средств за эксплуатацию земли, на которой стоит Кремль и другие правительственные здания в Москве и других городах? Какими критериями руководствовались люди, устанавливающие цену за эту землю? Каков был реальный доход населения страны от эксплуатации этой земли? То же самое относится к Газпрому и другим фешенебельным зданиям многочисленных административных структур в центре и в регионах.

При капитализме владение частной собственностью определяется установившимся механизмом рыночной регуляции. И потому частная собственность была и остается отличительной чертой капитализма. Государственный социализм целиком наследует эту систему, подчиняя частную собственность различным звеньям государственного аппарата. В результате вся территория страны превращается в частную собственность правительства. Это облегчает концентрацию и накопление капиталов, передачу накопленного богатства и контроль над средствами производства. Социал-анархизм противостоит капитализму и государственному социализму одновременно. Стремится ликвидировать имущественные основания данных социальных систем.

Иногда противники анархизма утверждают, что все его разновидности не выработали надежных экономических теорий. На этот упрек можно ответить: ни одно направление капитализма и социализма так и не смогло выработать универсальную экономическую теорию. Экономическая мысль может предложить лишь множество частных теорий.

Анархизм не отрицает пользу независимо функционирующего рынка: «Идеал индивидуалиста — автономия личности в условиях рыночной системы. Но не вытекает ли отсюда, что государства — неизбежная предпосылка успешного функционирования экономики?» [41, с. 169]. Ответ на вопрос состоит из двух частей:

1. Рынки функционировали задолго до появления государств, а в настоящее время международный рынок функционирует вне государств. Следовательно, государство не вытекает из сущности рынка.

2. Любые институты, необходимые для функционирования рынков, могут создаваться на региональном уровне, в условиях анархической фрагментации государства.

Поэтому вопрос можно конкретизировать: каков объем структур, необходимых для поддержания рынка, и в какой мере они связаны с существованием государственного аппарата?

Рынок есть место для совершения актов купли-продажи товаров, которые могут быть индивидуальной, общей и ничьей собственностью. На рынок поступают товары и услуги, которые путем бартера обмениваются на другие товары и услуги или же на деньги (в условиях финансовой экономики). Потребители и покупатели вступают на рынок для осуществления обмена. Поэтому существование рынка возможно при следующих условиях: наличие права распоряжения товарами (в виде собственности или аренды) для осуществления самого акта купли-продажи; существование института, связанного с заключением договоров; устойчивая валюта.

Кроме того, для функционирования рынка нужна система безопасности от грабежа и воровства. Но наличие таких систем есть предпосылка всех остальных проявлений общественной жизни. Что касается остальных элементов рынка, то для их существования государство совсем необязательно. Племенные обычаи и институты вполне эффективно служат для охраны собственности, соблюдения договоров и обязательств. Значит, безгосударственное общество тоже в состоянии осуществить эти операции. Валюта также может развиваться при отсутствии государства. Кроме того, бумажные деньги не являются полностью публичным благом. Банк, находящийся в руках частного лица или государства, удовлетворяет собственное своекорыстие путем производства, обращения и обмена денег. Следовательно, банк как таковой не нуждается в спонсоре в виде государства.

Иногда утверждают, что центральное правительство необходимо для распределения средств на уровне всего общества. Сразу возникает вопрос: о каких средствах идет речь? При функционировании рынков товары циркулируют без участия какого бы то ни было правительства, которое обычно затрудняет такую циркуляцию (опыт СССР здесь может считаться показательным).

Что касается распределения, то вначале надо доказать, что государство является наиболее справедливым институтом, осуществляющим распределение. Однако даже в самых богатых странах оно поддерживает социальное неравенство и не способствует полному устранению нищеты. Кроме того, аргумент о распределительной роли государства базируется на ложной дихотомии общества и государства. В соответствии с ней общество либо приравнивается к государству, либо не имеет с ним ничего общего. Все опосредующие звенья не принимаются в расчет, что не соответствует действительности.

Анархо-социалисты полагают, что социальная защита должна существовать, но защищать только самых бедных: «Вопрос заключается в следующем:

должно ли государство выполнять какую-либо роль в социальной защите или же оно остается только непроизводительным наглецом, сующим нос во все дырки? По крайней мере есть много альтернатив государству. Одна из них состоит в перераспределении части фондов, полученных от продажи и аренды природных и социальных ресурсов. Вторая заключается в разработке и представлении на референдум множества программ по социальным обязательствам. И только населению принадлежит решение, какую из программ они захотят поддержать. Все агенты рынка — от производителей до государственного аппарата — при этом подвергаются социальному надзору. Если же кто-то стремится его избежать и закрывает свои бухгалтерские книги под предлогом коммерческой тайны, то к нему применяется дифференцированная система социальных санкций» [41, 236].

Короче говоря, все аргументы в пользу центрального правительства не выдерживают критики. Нет убедительных доказательств в пользу того, что центральная власть способствует улучшению глобального перераспределения. Наоборот, она только ухудшает дело.

Что касается ситуации в современной России, то в одной из своих ранее опубликованных работ я показал, что корпоративные, клиентельные и патронатные отношения между группами интересов и правительством не могут считаться правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Ни одна из форм такого взаимодействия не содержит и намека на общие интересы населения России. Правительство и аппарат управления тоже их не выражают. Следовательно, общие интересы населения страны не могут быть выражены и в существующем законодательстве. Любая форма доминирования групповых интересов превращает экономическую и социальную политику государства в частную политику доминирующих групп. Их интересы все более переплетаются с интересами госаппарата. В результате проблема приоритета власти над законом в современной России обострилась до предела. Но Государственная Дума пока не собирается обсуждать все ее аспекты, в том числе и тот проект, который предлагает анархизм.

В России развивается процесс становления незаконных и нелегитимных групповых интересов. Они существуют в любых властно-управленческих структурах, но все более становятся частными по мере того, как госаппарат охватывает все сферы социальной деятельности. Но эту меру до сих пор определяет правительство. Оно не собирается отказаться добровольно ни от приоритета исполнительной власти перед законодательной, ни от регламентации электоральных процессов в свою пользу. В этом ему помогают СМИ и журналистский корпус в целом (за незначительными исключениями).

Следовательно, правительство России стало особой группой интересов, которая подрывает стабильность ее политической системы. Главную роль в таком подрыве играют многочисленные силовые структуры, роль которых за последнее время усилилась. Поэтому все ранее высказанные аргументы против

государства и правительства сохраняют полную силу и могут быть конкретизированы в отношении к каждому ведомству на федеральном, региональном и местном уровнях. Но эта тема требует особого исследования [42].

Перспективы воплощения

Воплощение анархизма теоретически возможно, но наталкивается на множество практических трудностей. Государства на протяжении XX в. сильно укрепили свой статус и теперь образуют особый клуб. Распад СССР и националистические движения увеличивают число кандидатов на вступление в члены данного клуба. И все же существуют возможности для роспуска этого клуба.

Среди нереализованных возможностей следует отметить умение воспользоваться революциями, гражданскими войнами, кризисными периодами в жизни государств. Прежние анархисты полагали, что когда наступают такие периоды, организованные анархистские группы смогут осуществить переворот; современные анархисты считают, что революционные методы являются только одним из способов осуществления изменений. Если существует множество разновидностей и целей анархизма, то не меньше число путей к нему.

Однако между ними нет соответствия. Схематически можно выделить следующие возможности.

Все способы реализации анархизма можно разделить на две большие группы: внутригосударственные (в рамках государственных структур) и внегосударственные. С процессуальной точки зрения можно выделить эволюционные и революционные методы. Эволюционные методы включают: медленные, постепенные действия, которые используют существующие политические процедуры; действия, направленные на создание альтернативных организаций, действующих в обход государственных институтов или заменяющие их. Революционные методы можно разделить на: действия, которые отвергают существующие правовые и политические процедуры (мятежи, восстания, государственные перевороты и т.д.); действия, которые предполагают влияние или вмешательство извне (переговоры, санкции, примеры, использование СМИ, вооруженных сил и т.д.).

Плюралистический анархизм в отличие от своих предшественников не отрицает использования политических и конституционных путей воплощения социальных целей. Общая оценка существующих государств при этом зависит от того, насколько каждый отдельный чиновник и государственный аппарат в целом уважают достоинство каждого индивида и всего населения, способствуют экологически чистому производству и поддерживают мирные отношения с соседями, не препятствуя всесторонней аккультурации. Кроме того, государства оцениваются и по критерию степени свободы для анархической практики. Речь идет об образе жизни, создании анархических организаций и альтернативных решений, противостоящих всем направлениям го-

сударственной политики. Если государство соответствует данным критериям, оно ближе к анархическому идеалу. В этом смысле анархисты могут заниматься политической деятельностью в его рамках.

Однако главные методы анархического действия лежат вне рутинной политики. К ним принадлежат:

1. Перехват у государства его действий и функций. Это осуществляется путем создания альтернативных институтов на территории, подчиненной данному государству. Если такой перехват заканчивается успехом, он неизбежно ведет к конфронтации с государством.

2. Непосредственное революционное действие, направленное против всех государственных институтов. Идея непосредственного действия является современной версией положения прежних анархистов о необходимости действовать путем свершившихся фактов и их пропаганды. Эти действия требуют определенного планирования и движения, которое обеспечивает проведение запланированных операций. Причем планирование и организация могут использоваться при революционных и эволюционных действиях.

Правда, еще не все анархисты освободились от ставки на «спонтанность». Опыт показал, что эта концепция малоубедительна, поскольку она опирается на недостаточно обоснованную концепцию индивидуальной свободы. Но крайне трудно осуществить спонтанный взрыв недовольства радикально настроенных масс. Как правило, тактика спонтанности ведет к неверным решениям, игнорированию доступной информации и т.д. Современный анархизм включает в свой состав разработанные методы планирования, которые не имеют ничего общего с их институционализацией в СССР. И все же говорить об успехах анархического планирования преждевременно. Конструктивное анархическое движение пока еще не возникло. А использование кризисов для достижения социальных целей есть признак выродившегося анархизма. В этом он несколько не отличается от других идеологий.

Параллельно с анархизмом тактику непосредственного действия используют экологические и феминистские движения, а также движения сторонников мира. Вместе с коммунитаристской концепцией, отвергающей любое манипулирование обществом, эти движения в значительной степени совпадают с социал-анархизмом: «Для современного социал-анархизма наиболее обещающей является объединение и мобилизация данных движений. Надо привести в движение дремлющий потенциал анархизма, который подавлялся до сих пор всеми государствами и идеологиями. В этом содержится большая надежда на будущее» [43, с. 279].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008

2. Макаренко В.П. Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кавказа // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 2/6/2011
3. Глебова И.И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011, № 2
4. Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011, № 3
5. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000
6. Библиография об анархизме <http://spb-anarchists.anho.org/biblioterm.htm>
7. Miller D. Anarchism. London, 1994, p.98
8. Кривенький В.В. Предисловие // Анархисты. Документы и материалы. Т.1. 1983-1916 гг. М., РОССПЭН, 1998
9. Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., РОССПЭН, 2011
10. Woodcock G. Anarchism. Harmondsworth, 1992
11. Wolff R. In Defence of Anarchism. New York, 1970
12. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
13. Слотердайк П. Критика цинического разума. У-Фактория, Екатеринбург, АСТ, Москва. 2009
14. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. Пер.с англ. Б.Пинскера. Под ред. Ю.Кузнецова и А.Куряева. М., ИРИСЭН, 2008
15. Clark J. The Anarchism Movement. Montreal, 1994
16. Федотова В. Г. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития // Вопросы философии. 1998, № 5.
17. Lehning A. Anarchism // Dictionary of the History of Ideas. New York, 1998.
18. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998
19. Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и современная западная социология организации и управления // Вопросы философии. 1986, № 2.
20. Handbook of Philosophical Logic. Vol.3. Dordrecht, 1986
21. Sylvan R., Benett D. On Utopias: Tao and Deep Ecology. Canberra, 1990
22. New Forms of Democracy. London, 1996

23. Макаренко В.П. Мироззренческая машина: размышления автолюбителя. Статья 1-2 // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011, № 2-3
24. Routley R., Routley V. The irrefutability of Anarchism // Social Alternatives. 1992, № 2
25. Taylor M. Anarchy and Cooperation. Cambridge, 1997
26. Bumheim J. Is Democracy possible? Cambridge, 1995
27. Геллер М. История России. 1917—1995. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., 1996, с.351
28. Шубин А. Махновское движение 1917—1921 годов // Дружба народов. 1993, № 3—4.
29. Бжезинский З. Большая шахматная доска. М., 1998
30. Дугин А. Основы геополитики. М., 1997
31. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998
32. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону, 1992
33. Bookchin M. Remarking Society: Patways to a green Future. Boston, 1990
34. Конфедерация анархо-синдикалистов. Анархо-коммунистический революционный союз // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991. М., 1991.
35. Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003
36. Окусов А. П. Анархизм. Ростов-на-Дону, 1996
37. Dryzek J. Rational Ecology. Oxford, 1987
38. Tyler T. Why People Owey the Law. New Haven, 1990
39. Hardin R. Collective Action. Baltimore, 1992
40. Carter A. The Philosophical Foundations of Property Rights. Brighton, 1989
41. Taylor M. Community, Equality and Liberty. Cambridge, 1992, p.169
42. Макаренко В.П. Правительство и бюрократия // Социологические исследования. 1999, № 2
43. Callenbach E. Ecotopia Emerging. New York, 1992